

—

Обратно они возвращались уже в час Шэнь (15:00-17:00). Хо Шу не спеша ехал на лошади, держась на расстоянии за телегой, возвращавшейся в деревню.

Издали он видел маленького гера, сидевшего на телеге, обхватив колени, и неторопливо разговаривавшего с людьми на телеге. Судя по выражению его лица, настроение у него было лучше, чем утром.

Видя это, он тоже расслабил брови, и его взгляд переместился на широкое поле у официальной дороги.

Сегодня, когда Хо Шу забирал свою лошадь из конюшни, он увидел там ещё одну крепкую лошадь. Судя по внешнему виду, это тоже была боевая лошадь.

Он услышал от конюха, что лошадь принадлежала солдату, вернувшемуся с фронта. Хо Шу спросил, откуда именно тот вернулся, но конюх толком не смог объяснить.

Он не придавал этому особого значения. С фронта могли вернуться не только с севера, но и с других приграничных районов.

К тому же, даже если солдат вернулся с севера, в огромном военном лагере, где тысячи солдат и лошадей, не обязательно встретишь знакомого.

Встретить старого друга на чужбине, конечно, хорошо, но это редкость.

Хо Шу отвёл взгляд, думая, что лучше поскорее найти себе дело и осесть.

Как раз когда он задумался, впереди вдруг послышался шум.

«Ой, чуть не упал!»

«Мастер Чжан, что с твоей коровой? Почему она пошла в канаву? Теперь колесо телеги застряло в канаве, и это совсем некстати. До деревни ещё далеко, мы тебе денег не дадим».

Таоюй провёл всё утро в городе, а теперь, сидя в телеге, которая то подскакивала, то качалась, немного задремал от усталости.

Как раз когда он полусонный собирался вздремнуть, телега вдруг сильно дёрнулась, и колесо

сразу же упало в канаву. Он сидел на самом краю телеги и тут же соскользнул вниз.

К счастью, он не упал в канаву, но всё же рухнул на грязную дорогу, стоя на коленях и опираясь на руки.

Он шлёпнулся на землю, как мягкое тесто. Хотя высота от телеги до земли была невелика, для него это было настоящей катастрофой. Колени и ладони, которыми он опирался на землю, сразу же пронзила острая боль.

Обычно только утром, отправляясь в город, можно было сесть на деревенскую телегу. Обратнo у городских ворот останавливалось много телег, но не все из них были деревенскими. Если по пути, можно было сесть на любую, и особо не привередничали.

На этой телеге ехали жители других деревень, и они только кричали о том, что не заплатят, совсем не обращая внимания на Таоюя, лежавшего на земле.

Он с трудом поднялся, волоча ноги и не двигающиеся руки, и хотел отойти в сторону, чтобы найти камень и сесть.

Хо Шу, увидев случившееся, тут же пришпорил лошадь, и большой чёрный конь проскакал несколько шагов вперёд.

Только тогда он увидел, что телега, которая только что была в порядке, перевернулась, и колесо застряло в канаве. Все люди уже слезли с телеги.

«Прощу прощения, друзья, не платите, не платите».

Хозяин телеги, уперев руки в боки, тоже был немного раздражён норовом этой дохлой коровы. Видя, что он наконец-то набрал полную телегу людей, но теперь придётся ехать бесплатно, он злился.

Его окружила толпа женщин и мужчин, казалось, тысячи ртов кричали ему в ухо, сильно шумели.

Не зная, что делать, он вдруг мельком увидел Таоюя, который пригнулся и молчал. Заметив, что из всех людей в телеге он самый младший и единственный без спутника, он тут же нахмурился и сказал: «Моя корова обычно самая покорная, она никогда не дёргает».

«Наверняка это этот гер баловался с колесом телеги, поэтому она и упала в канаву».

Несколько человек, не поняв, в чём дело, повернули головы к Таоюю. Увидев, что он не просит справедливости, они подумали, что он виноват, и тут же начали его упрекать: «Гер, зачем ты

полез к колесу телеги и заклинил его? Тут целая телега людей, это очень опасно».

Хозяин телеги, увидев это, тут же сказал: «Гер, ты должен возместить мне убытки. Если телега сломается, как я буду дальше ездить? У меня маленький бизнес, в межсезонье я зарабатываю только на мелкие расходы».

Один из пассажиров, ехавших в телеге, вторил хозяину: «Да, гер, всем крестьянам нелегко. Конечно, хорошо, что никто не пострадал, но это ведь задерживает всех».

У Таоюя так болели колени, что он не мог выпрямиться. Он не думал, что эти люди ещё и нападают на него, раненого.

Он перевернул ободранную ладонь и сказал: «Я бы стал нарочно задевать колесо телеги, чтобы упасть?»

Несколько человек замаялись, хозяин телеги сказал: «Я же говорю, не надо было трогать колесо телеги. Вот и упал. Хорошо, что только ободрался, а если бы сильно упал, кто бы отвечал?»

Крестьяне и крестьянки тоже подхватили: «Ты из какой деревни, гер? Почему ты такой неразумный?»

Таоюй был в ярости. Эти люди, объединившись, издевались над ним, потому что он был из другой деревни и без спутника. У него болели руки и ноги, и ему приходилось ещё и спорить с этими людьми. От злости его глаза покраснели, что, наоборот, заставило эту толпу людей думать, что над ним ещё легче издеваться.

Как раз когда все не умолкали, прискакала лошадь, подняв вихрь жёлтой пыли и грязи.

«Тьфу! Подавился пылью! Кто это? Не видите, сколько здесь людей, а он ещё скачет...»

Не успел он договорить, как чёрный конь остановился рядом, а затем с него прыгнул крепкий мужчина. Крестьянин, который только что отплевывался от пыли, поднял голову и, увидев лицо пришедшего, тут же замолчал.

Хо Шу с холодным лицом направился прямо к Таоюю: «Сильно ударился?»

Таоюй, увидев нахмуренные брови Хо Шу, который выглядел гораздо суровее, чем обычно, сказал: «Рука немного не двигается, наверное, вывихнул. Колено ударил, наверное, просто ссадина».

Хо Шу ничего не сказал, сначала помог Таоюю сесть на камень сбоку.

Обернувшись, он увидел, что крестьяне, которые только что были высокомерны, сразу же сникли и робко отступали назад, пытаясь скрыть свою ругань.

Хо Шу тоже не стал с ними спорить, просто вдруг поднял длинную ногу, раздался треск, и колесо телеги сразу же сместилось. Телега, которая была немного накрена в канаве, теперь окончательно в ней застряла.

Более пугливая женщина не удержалась и вскрикнула. Хозяин телеги вздрогнул, видя, что Хо Шу не собирается останавливаться. Если эта телега получит ещё несколько ударов, она, скорее всего, сломается.

Он тут же сменил тон и стал молить о пощаде: «Прошу прощения, прошу прощения, моя корова сегодня взбесилась и сбросила гера, я не возьму денег за проезд, и за лекарства я заплачу, всё заплачу!»

Окружающие крестьяне тоже умело меняли направление ветра и вдруг стали заботливо спрашивать Таоюя: «Ты в порядке, гер? Ой, я только что думал о себе, даже не успел тебе помочь, ты уж не обижайся».

Хозяин телеги тут же возместил Таоюю расходы на лечение, и Хо Шу после этого ничего не сказал.

Он подошёл к Таоюю. Все крестьяне поспешно отступили, бормоча о своём невезении сегодня, и поспешно ушли, пока Хо Шу не видел. Один только хозяин телеги остался вытаскивать застрявшую телегу из канавы.

Хо Шу присел перед Таоюем и тихо спросил: «Рука двигается?»

Таоюй покачал головой: «Болит, если пошевелить».

Хо Шу увидел белую ладонь, запачканную грязью, с ободранным участком кожи. Хотя он был не больше ногтя мизинца, но у Таоюя, чья кожа обветривалась от холодного ветра, от такого трения ладонь распухла и покраснела.

Он нахмурился и сказал: «Я вставлю на место, потерпи немного».

Таоюй кивнул, протянул руку и в то же время поспешно отвернул голову.

Хо Шу, увидев это, не стал медлить, взял его за тонкую руку и дотронулся до вывихнутого места. Таоюй стиснул зубы, не издал ни звука от боли, но всё же не удержался и вздрогнул.

Когда он снова обернулся, Хо Шу увидел покрасневшие глаза, полные слез, в которых почти

отражался его собственный облик.

Хо Шу немного растерялся, поджал губы, боясь, что тот заплачет снова, и спросил: «Очень больно?»

Голос Таоюя был хриплым: «Было больно всего мгновение, сейчас уже не так больно».

Он осторожно пошевелил запястьем и посмотрел на Хо Шу: «Снова двигается».

«Вот и хорошо».

Хо Шу, видя, что тот поранился, нахмурился и решил поскорее отправить его домой. Инстинктивно протянул руку, чтобы поднять маленького гера, но вдруг остановился и спросил: «Можешь идти?»

Таоюй посмотрел на свои колени. Он не знал, насколько серьезна травма, но с костями точно всё в порядке. Только ходить будет больно, потому что повреждённая кожа будет тереться об одежду, и это усугубит травму.

Но, подумав, что они на улице, он всё же сдержался и сказал: «Все в порядке».

Хо Шу собирался помочь ему подняться, но увидел, как Таоюй инстинктивно посмотрел на хозяина телеги, который в полной растерянности пытался вытащить телегу. Он передумал, отвёл руку и протянул локоть, чтобы Таоюй сам опёрся на него и встал.

Таоюй, увидев это, с благодарностью взглянул на Хо Шу. Он обеими руками взялся за локоть Хо Шу. В тот же миг, когда он взялся за руку, его лицо невольно покраснело.

Хотя он знал, что Хо Шу силён, но когда он действительно прикоснулся к нему, он всё же немного удивился его телосложению.

Предплечье было крепким и мощным, как толстая старая лиана. Сколько бы он ни тянул его, чтобы подняться, оно даже не дрогнуло.

Он мог себе представить, что сейчас под рукавом рубашки Хо Шу вздулись вены, и каждый сантиметр кожи полон силы.

Это было полной противоположностью его собственному мягкому телу, оно было плотным и даже немного жестким.

Таоюй попробовал сделать два шага, хотя и медленно, но хорошо, что мог двигаться. Он

невольно вздохнул с облегчением.

Однако Хо Шу, видя, как тот хромает, не мог расслабить бровей: «Может, на лошади?»

«Нет, нет!»

Таоюй поспешно махнул рукой, взглянул на большого чёрного коня и затаил дыхание: «Я боюсь ездить».

«Ничего страшного, он очень послушный. Я буду держать поводья, он тебя не сбросит».

Хо Шу сказал: «Пойдём».

Он взял чёрного коня за повод, присел на корточки перед животом лошади, сложил ладони, чтобы Таоюй наступил на них.

Таоюй, увидев это, не мог больше отказаться от доброты Хо Шу, ему оставалось только стиснуть зубы, ухватиться за седло, наступить на руки Хо Шу и залезть на лошадь.

К сожалению, у него была повреждена нога, и сил было мало. После нескольких попыток он так и не смог залезть. Он беспокойно лежал на лошади, не зная, что делать, и боялся, что лошадь вдруг двинется.

«Брат Хо, пожалуйста, не отпускай».

«Я не отпущу».

Хо Шу, услышав немного плачущий голос, почувствовал себя беспомощным. В конце концов, ему пришлось высвободить одну руку, чтобы обхватить талию маленького гера, и одним движением усадить его на спину лошади.

Наконец-то сев на лошадь, Таоюй выдохнул с облегчением. Через мгновение, увидев, что его ноги вдруг повисли так высоко в воздухе, он невольно запаниковал и поспешно ухватился за поручень на седле.

Он смотрел прямо вперёд, не смея смотреть по сторонам. Лошадь под ним хоть и не двигалась, но издавала хриплые звуки, и он почувствовал ещё большее беспокойство, боясь, что лошадь взбрыкнёт.

Он тихо сказал: «Брат Хо, пожалуйста, не ослабляй поводья».

Хо Шу натянул поводья, увидев, как большой чёрный конь повернул голову и уставился на него большими лошадиными глазами, словно сердито глядя на своего хозяина.

Он холодно сказал: «Не упрямься. Если сбросишь человека, отправлю тебя на бойню».

Сказав это, он погладил коня по голове: «Будь послушным».

Большой чёрный конь, увидев это, снова повернул голову и перестал хрипеть. Он уверенно начал идти, поднимая копыта.

Хо Шу, глядя на испуганного и жалкого Таоюя, сказал: «Не бойся, я не ослаблю поводья».

Таоюй закусил нижнюю губу, всё время напряжённо сидел, глядя прямо вперёд, даже не смея пошевелить шеей, обеими руками крепко держась за поручень.

В какой-то момент он совсем забыл о боли от ободранной кожи.

К счастью, большой чёрный жеребец, послушав Хо Шу, не стал брыкаться и нарочно сбрасывать человека.

Обычно, когда Хо Шу сидел на лошади, он почти не натягивал поводья, и чёрный жеребец тоже неспешно шёл, а заметив траву у дороги, мог даже повернуть голову и пощипать немного. Но теперь, когда на нём сидел другой человек, хозяин крепко держал поводья. Он понял, что шутки плохи, и послушно шёл прямо.

Видя, что дорога ровная и даже частота подскоков на спине лошади из-за ходьбы примерно одинакова, Таоюй постепенно успокоился и немного расслабил тело.

Вечерний ветер дул в лицо, неся лёгкое тепло солнца, он развевал волосы на лбу Таоюя, словно тёплая вода нежно касалась его щеки.

Это был первый раз, когда он шёл по дороге так высоко, и в какой-то момент его обзор, казалось, стал намного шире, горы, ручьи и реки открывались перед глазами.

Таоюй слегка повернул голову и посмотрел на Хо Шу, который молча шёл рядом, ведя лошадь. Его высокий рост, с которым обычно приходилось поднимать голову, чтобы поговорить, теперь наконец-то позволял увидеть макушку.

Он смотрел на его черные, как тушь, волосы, казалось, они были жестче, чем у обычных людей. Он поджал губы, скрывая радость.

Неудивительно, что мужчины из знатных семей в городе любили ездить верхом. Чувство, когда все на улицах и переулках ниже тебя, действительно было немного странным.

Хо Шу увидел, как нога, которая всё время плотно прижимала живот лошади, вдруг немного расслабилась и даже приподнялась, словно он был немного взволнован.

Он невольно повернул голову и посмотрел на Цзи Таоюя на лошади, обнаружив, что этот гер смотрит на его макушку: «Больше не боишься?»

Встретив взгляд Хо Шу, Таоюй поспешно снова выпрямился, он смотрел на дорогу впереди и снова крепко сжал ноги: «Боюсь».

Уголки рта Хо Шу слегка дрогнули, в глазах появилась лёгкая улыбка. В конце концов, он не стал над ним издеваться.

«Там впереди много диких хризантем расцвело, и никто их ещё не собирал!»

Услышав это, Хо Шу оглянулся и увидел стебли горных хризантем, стелющиеся по земле на гребне горы, усеянные белыми цветами. Это было особенно привлекательно на фоне унылых осенних красок.

«Подожди».

Таоюй, увидев, что Хо Шу собирается уйти, поспешно наклонился, обхватил поручень: «Не... не уходи!»

Хо Шу остановился, взглянул на Таоюя, лежавшего на спине лошади, снова протянул руку и снял его.

Таоюй, оказавшись снова на земле, почувствовал, что ноги немного подкашиваются, и поспешно подошёл к камню, чтобы сесть. Как только он сел, ему в руки сунули поводья.

«Держи».

Сказав это, Хо Шу повернулся и направился к насыпи.

Таоюй, держа в руках поводья, сразу же растерялся. Следуя за поводьями, он увидел большого чёрного жеребца, который смотрел прямо на него.

Он, держа поводья, тут же нервно встал, напряг шею и посмотрел на Хо Шу, моля о помощи: «Брат Хо, я... я его не удержу».

«Просто держи поводья, он не убежит».

Таоюй увидел, что Хо Шу уходит всё дальше и не собирается сразу возвращаться. Поводья в его руке вдруг стали необыкновенно горячими.

В какой-то момент он не знал, то ли отбросить их, то ли держать. С немного дрожащей рукой он сжал поводья и снова взглянул на большого чёрного коня, выдавив натянутую улыбку.

«Ты... ты не будешь безобразничать, правда?»

Большой чёрный жеребец только широко раскрыл глаза и пристально смотрел на Таоюя, но всё же тихо стоял.

Таоюй немного расслабился, медленно попробовал сесть, но как только он коснулся камня, чёрный жеребец снова начал хрипеть, и глаза его стали злыми.

Он испугался, поспешно снова выпрямился, обеими руками сжал поводья и снова закричал в сторону Хо Шу: «Брат... брат Хо! Лошадь меня лягнёт!»

Большой чёрный жеребец, услышав голос с нотками плача, увидев, что перед ним слабый человек, у которого даже глаза покраснели и который ещё и жалуется, тут же перестал хрипеть.

Брови Тао Юя дернулись, и слезы, которые почти выступили на глазах, тут же сдержались. Увидев, что лошадь перестала, он шмыгнул носом и осторожно попробовал снова сесть на камень.

Только когда он уверенно сел, на этот раз большой чёрный жеребец больше не хрипел и не пугал его.

Таоюй наконец-то успокоился. Он сидел, сдвинув колени, и, видя, что лошадь ведёт себя послушно и не двигается, только тогда высвободил одну руку и осторожно подул на ладонь, которую только что натёрли поводья.

Так человек и лошадь тихо ждали.

Через некоторое время Таоюй немного подвинулся и сорвал рядом несколько нежных травинок гусиного уха и дикой хризантемы.

Он связал дикую траву в небольшой пучок и осторожно протянул её к морде лошади:
«Будешь... будешь есть?»

Большой чёрный жеребец вдруг повернул голову и сердито посмотрел на Таоюя, напугав его так, что он быстро отдернул руку.

Увидев, что большой чёрный жеребец держит шею напряжённо, хотя и выглядит грозно, как его хозяин, но не собирается кусаться, Таоюй успокоился.

Он снова осторожно протянул траву. На этот раз большой чёрный жеребец вдруг широко открыл рот и схватил траву, напугав Таоюя.

Таоюй отдернул руку и обнял себя. Увидев, как большой чёрный жеребец жмурясь ест траву, не собираясь нападать или пугать его, и, кажется, очень любит эту траву.

Его глаза изогнулись, и он рассмеялся: «Вкусно, да?»

Увидев, что лошадь стала послушной, Таоюй медленно протянул руку, чтобы, как Хо Шу, погладить гладкую и блестящую лошадиную голову.

Не успела его рука коснуться, как большой чёрный жеребец вдруг повернул голову, довольно высокомерно откинул её в другую сторону и не дал ему прикоснуться.

Таоюй, увидев это, тихо фыркнул.

Через некоторое время Хо Шу вернулся с большой охапкой хризантем, со стеблями и цветами.

Глаза большого черного жеребца загорелись, когда он увидел зеленое растение в руке Хо Шу. Он наклонил шею и ждал, когда хозяин его покормит, но неожиданно чья-то рука отвернула его голову.

«Достаточно?»

Таоюй поспешно взял хризантемы. В нос сразу ударил горький аромат, очень освежающий.

«Достаточно, достаточно. Столько, если высушить, тоже много получится».

Казалось, они только недавно распустились, маленькие цветы были в самый раз, не пожухли и не пожелтели.

В его голове уже пронеслись несколько способов использования хризантем: для выпечки, для чая, для лекарств и так далее.

Хо Шу, увидев, что маленький гер счастлив, ничего не сказал, его тон был заметно мягче.

«Идём, назад».

Ноги у Хо Шу были быстрые, и Таоюй на лошади быстро добрался до въезда в деревню.

На официальной дороге было ещё ничего, встретившиеся путники не обязательно были знакомы, но въехав в деревню, ты видишься со всеми лицом к лицу.

Таоюй и не думал скрывать, он просто спокойно проехал по деревенской дороге.

Жители деревни, работавшие в поле, видя это, не осмеливались заговаривать с Хо Шу, но увидев Таоюя, могли окликнуть: «Тао гер, научился ездить на лошади?»

«Нет».

Таоюй покачал головой и сказал жителям деревни: «Сегодня ездил в город, на обратном пути телега, на которой ехал, застряла в канаве, упал и поранил руки и ноги. Брат Хо Шу проезжал мимо и подвёз меня обратно».

«Ах, ты в порядке?»

Жители деревни недоверчиво спросили: «Кто вёл телегу? Как можно быть таким неосторожным!»

Таоюй ответил как есть: «Хозяин телеги из другой деревни, невысокий, немного смуглый, с большим лицом. Слышал, как его пассажиры называли его мастер Чжан».

Жители деревни, услышав подробный рассказ Таоюя, который не казался выдумкой, а глаза его были немного покрасневшими, как будто он плакал.

В это время подошёл житель деревни, возвращавшийся из города, и услышав разговор Таоюя с односельчанами, поспешно добавил: «Из деревни Яньмяо, наверное? Когда я возвращался, видел, как он ещё вытаскивал телегу из канавы. Не знаю, вытащил ли уже. Таоюю очень не повезло, что он сел в его телегу».

«Я тоже один раз ездил в его телеге, и больше ни разу не садился. Обычно, если у городских ворот нет телеги, я лучше пешком пойду, чем сяду в его».

Жители деревни, услышав, о ком идёт речь, выругались: «Этот по фамилии Чжан совсем недобросовестный в своём деле. С жителей своей деревни он берёт меньше, а с жителей других деревень, независимо от расстояния, берёт на две монеты больше, а если дальше, то цена ещё выше».

Праздно смотрящие жители деревни тут же словно загорелись, мгновенно забыли, зачем изначально окликали Цзи Таоюя, и наперебой стали рассказывать о том, какой плохой хозяин телеги по фамилии Чжан.

«Тао гер, в будущем будь осторожен, ни в коем случае не садись в его телегу».

Затем заговорили о Хо Шу: «Хо Лан госпожи Юань выглядит холодным и отстраненным, но на самом деле он очень добросердечный».

Жители деревни поговорили об этом и похвалили Хо Шу несколькими словами.

Хо Шу не сказал им ни слова. Он сохранил свое обычное серьезное выражение лица и слегка кивнул, давая понять жителям деревни о своих намерениях.

«Тао гер, быстро иди домой и проверь, не ранен ли ты. Если ты ранен, мы попросим старосту отправиться в деревню Яньмяо, чтобы найти его».

Таоюй послушно сказал: «Тогда я первым пойду домой».

Наблюдая, как они уходят: «Хо Шу холоден и молчалив. Обычно он ведет себя так, будто никого не видит. Не думал, что у него такое горячее сердце, ещё и разрешил ему ездить на своей лошади. Слышал от госпожи Юань, что он очень ценит своего коня, он сопровождал его на войне, и он никого не подпускает к нему».

«Попробуй ты упасть в канаву, посмотришь, будет ли он таким же добросердечным и подвезёт ли тебя на своей лошади».

Крестьянка насмешливо рассмеялась: «Разве ты не видишь, кто упал? Тао гер нежный и хрупкий, какой мужчина, увидев его, не пожалеет. Я слышала, что Хо Шу еще не женился, может быть, он хочет быть хорошим зятем».

«Эх, правда, у нас, старух, нет такой удачи».

«Но, говоря о другом, как так случилось с помолвкой семей Цзи и Юй, которая длилась столько лет? Просто раз, и отменилась, без всяких признаков».

«Трудно сказать, людей много, слухов много, я не смею говорить лишнего».

«Хотя помолвка расторгнута, две семьи все еще могут ужиться. Смотри, сегодня утром сын старосты соседней деревни пришел к нашему старосте, ещё и помогал старосте бегать туда-сюда с поручениями, до сих пор ещё не ушёл».

«Новости, однако, быстро доходят, сразу же примчался. Говорят, у Таоюя просто хорошая судьба, прошло всего несколько дней после отмены помолвки, а желающих приударить за ним хоть отбавляй».

Юй Линсяо, проходя по деревенской дороге, смотрел на удаляющихся двоих и слушал сплетни односельчан. Его лицо было бледным.

Он глубоко вздохнул и незаметно сжал кулаки.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281183>